

КОШМАРЪ ЗЛОГО ДОБРА.

(О книгѣ И. Ильина «О сопротивленіи злу силою»).

«Услышавъ, что нѣкоторые злословятъ ближнихъ, я запретилъ имъ; дѣлатели же сего зла въ извиненіе отвѣчали, что они дѣлаютъ это изъ любви и попеченія о злословимомъ. Но я сказалъ имъ: оставьте такую любовь... Если ты истинно любишь ближняго, какъ говоришь, то не осмѣивай его, а молись о немъ втайнѣ; ибо сей образъ любви пріятенъ Богу. Станешь остерегаться осуждать согрѣшающихъ, если всегда будешь помнить, что Иуда былъ въ сборъ учениковъ Христовыхъ, а разбойникъ въ число убійць; но въ одно мгновеніе произошло съ нимъ чудное перерожденіе». «Преподобнаго отца нашего Іоанна Игумена Синайской горы Лѣствица».

Мнѣ рѣдко приходилось читать столь кошмарную и мучительную книгу, какъ книга И. Ильина. «О сопротивленіи злу силою». Книга эта способна внушить настоящее отвращеніе къ «добру», она создаетъ атмосферу духовнаго удушья, ввергаетъ въ застѣнокъ моральной инквизиціи. Удушеніе добромъ было и у Л. Толстого, обратнымъ подобіемъ котораго является И. Ильинъ. И Л. Толстой могъ внушить отвращеніе къ добру. «Джентельменъ съ ретроградской и насмѣшливой фізіономіей» долженъ неизбежно явиться изъ подполья Достоевскаго, чтобы опрокинуть inferнальный нормативизмъ и морализмъ И. Ильина и прекратить удушеніе, во имя добра совершаемое. Никакая жизнь не можетъ цвѣсти въ этомъ царствѣ удушающаго, инквизиторскаго добра. Такого рода демоническое добро всегда есть моральное извращеніе. Напрасно И. Ильинъ думаетъ, что онъ достигъ той духовности, отрѣшен-

ности и очищенности отъ страстей, которыя дають право говорить отъ лица абсолютнаго добра. Добро И. Ильина очень относительное, отяжелѣвшее, искаженное страстями нашей эпохи, приспособленное для цѣлей военно-походныхъ. И. Ильинъ пересталъ быть философомъ, написавшимъ въ болѣе мирныя времена прекрасную книгу о Гегелѣ. Онъ нынѣ отдалъ даръ свой для духовныхъ и моральныхъ наставленій организаціямъ контръ-развѣдки, охраннымъ отдѣленіямъ, департаменту полиціи, главному тюремному управленію, военно-полевымъ судамъ. Можетъ быть такія наставленія въ свое время и въ своемъ мѣстѣ нужны, но онѣ принижаютъ достоинство философа. «Чека» во имя Божье болѣе отвратительно, чѣмъ «чека» во имя діавола. Во имя діавола все дозволено, во имя Божье не все. Это причина того, что діаволь всегда имѣетъ въ нашемъ мірѣ болѣе успѣхъ. Пусть казнь, какъ трагическій и жертвенный актъ, совершаемый въ жизни, имѣетъ свое оправданіе, но не можетъ имѣть оправданія патетическое философствованіе о казни, не можетъ быть оправдана любовь къ такого рода занятію. Духовный и нравственный сыскъ, разработанный въ цѣлую систему со всѣми приемами утонченнаго феноменологическаго метода, подозрительность и одержимость зломъ, которому нужно ежеминутно сопротивляться силой, свидѣтельствуютъ о духовно нездоровомъ состояніи, о религіозно непросвѣтленномъ отношеніи къ жизни. И особенно тяжелое производитъ впечатлѣніе, когда пишутъ о такихъ страшныхъ вещахъ, какъ убійства, мечи, казни и пр. въ стилѣ риторическомъ, съ ложной возвышенностью и ходульностью. Книга И. Ильина громко свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ не выдержалъ духовнаго испытанія нашей страшной эпохи, что онъ потерпѣлъ въ ней нравственное пораженіе. Книга эта есть болѣзненное порожденіе нашего времени. И. Ильинъ заразился ядомъ большевизма, который обладаетъ способностью дѣйствовать въ самыхъ разнообразныхъ, по видимости противоположныхъ формахъ, онъ принялъ внутрь себя кровавый кошмаръ, не нашелъ въ себѣ духовной силы ему противиться. Ядъ большевизма дѣйствуетъ или въ формѣ приспособленія къ большевикамъ или въ формѣ зараженія его духомъ во имя цѣлей противоположныхъ, зараженія насильничествомъ и злобностью. Въ сущности большевики вполне могутъ принять книгу И. Ильина, которая построена формально и мало раскрываетъ содержаніе добра. Большевики сознаютъ себя носителями абсолютнаго добра и во имя его сопротивляются силой тому, что почитаютъ зломъ. Именно имъ свойственно рѣзкое раздѣленіе міра и человѣчества на два воинствующихъ лагеря, изъ которыхъ одинъ знаетъ абсолютную истину и дѣйствуетъ во имя абсолютнаго добра, другой же есть предметъ воздѣйствія силой, какъ находящійся во тьмѣ и злѣ. Эта непомѣрная духовная гордыня большевиковъ свойственна и И. Ильину. Онъ не просвѣтленъ тьмѣ христіанскимъ сознаниемъ, что весь родъ человѣческій пораженъ первороднымъ грѣхомъ и потому не можетъ распадаться на расу добрыхъ, специально призванныхъ бороться со зломъ силой, и расу злыхъ, объектъ воздѣйствія добрыхъ.

Самъ И. Ильинъ какъ будто бы не замѣчаетъ своего изступленнаго отвлеченнаго морализма, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже критикуетъ такого рода морализмъ. Но это — недоразумѣніе. Онъ не менѣе моралистъ, чѣмъ Л. Толстой. Потому то онъ такъ и занятъ Толстымъ, что онъ подсознательно ощущаетъ его въ себѣ. Мы увидимъ, что онъ во многомъ повторяетъ основныя ошибки Толстого. Книга И. Ильина въ значительной своей части представляетъ критику Толстого и толстовства. И. Ильинъ говоритъ много несомнѣнно вѣрнаго о Толстомъ, но совершенно не новаго и давно уже сказаннаго Вл. Соловьевымъ и др. Въ частности авторъ этихъ строкъ много критиковалъ Толстого и пользовался аргументами, которые сейчасъ воспроизводитъ и И. Ильинъ. Но толстовство не играетъ никакой роли въ наши дни, оно не владѣетъ душами современныхъ людей и не направляетъ ихъ жизни. Весь характеръ нашей эпохи вполне антитолстовскій, и мало кто сомнѣвается сегодня въ оправданности сопротивленія злу силой и даже насиліемъ. Мы живемъ въ одну изъ самыхъ кровавыхъ эпохъ всемірной исторіи, въ эпоху объятую кровавымъ комшаромъ, когда всякій увѣренъ въ своемъ правѣ убивать своихъ идейныхъ и политическихъ противниковъ и никто не рефлектируетъ надъ оправданностью дѣйствія мечомъ. Кровавая война, кровавая революція, кровавая мечта о контръ-революціи приучили къ крови и убійству. Убійство человѣка не представляется страшнымъ. Сейчасъ трудно людей заставить вспомнить не только о заповѣдяхъ новозавѣтныхъ, но и о заповѣдяхъ ветхозавѣтныхъ. И паеось И. Ильина непонятенъ по своей несвоевременности. Непонятно, противъ кого возсталъ И. Ильинъ, если не считать кучки толстовцевъ, потерявшихъ всякое значеніе, да и никогда его не имѣвшихъ. И. Ильинъ какъ будто бы прежде всего борется противъ русской революціонной интеллигенціи. Но она вѣдь всегда признавала въ значительной своей части сопротивленіе злу силой, терроромъ, убійствомъ, вооруженными возстаніями и всегда думала, что этими средствами она утверждаетъ абсолютное добро и истребляетъ абсолютное зло. Только благодаря такому моральному сознанію русской революціонной интеллигенціи и сталъ возможенъ большевизмъ. «Чека» у насъ морально давно подготовлялась. Уже у Бѣлинскаго въ послѣдній его періодъ можно найти оправданіе «чекизма». Въ длинномъ пути, уготавливавшемъ большевизмъ, непротивленства у насъ не было никакого. Можно ли сопротивляться силой меча злу самого большевизма? Въ этомъ также мало кто сомнѣвается, какъ раньше мало кто сомнѣвался въ возможности сопротивленія силой меча самодержавію. Правые все время бредятъ военными дѣйствіями противъ большевизма и даже готовы принять мечъ картонный за мечъ побѣдный. Лѣвые также не сомнѣваются въ принципиальной допустимости сопротивляться силой большевизму. Споры идутъ лишь о цѣлесообразности тѣхъ или иныхъ методовъ борьбы. Если кто-нибудь, напр., отрицаетъ бѣлое движеніе, которое для И. Ильина имѣетъ абсолютное значеніе, то не потому, что не допускаетъ дѣйствіе силой и мечемъ, а потому, что не вѣритъ въ реальность бѣлаго движенія и цѣлесообразность

его и въ разжиганіи страстей этого движенія видитъ опасность укрѣпленія большевизма. Но можетъ быть небольшая группа религіозныхъ мыслителей, призывающихъ прежде всего къ духовному возрожденію Россіи и русскаго народа, отрицаетъ въ принципѣ сопротивленіе злу силой? И этого нѣтъ. Я, наприм., никогда не былъ толстовцемъ и непротивленцемъ и не только не сомнѣваюсь въ принципіальной допустимости дѣйствовать силой и мечемъ, при соблюденіи цѣлесообразности и духовной гигиены, но и много писалъ въ защиту этого тезиса, хотя въ бѣлое движеніе не вѣрю по разнообразнымъ соображеніямъ. И. Ильинъ повидимому ломится въ открытую дверь и производитъ буйство безъ всякой надобности. Но цѣлью его является не только элементарное оправданіе принципіальной допустимости меча и сопротивленія силою, не повтореніе общихъ мѣстъ по этому поводу, а взвинчиваніе и укрѣпленіе той духовно-моральной атмосферы, которая нужна для немедленныхъ походовъ, для контръ-развѣдки, для военно-полезныхъ казней. Это есть разнузданіе извѣстнаго рода инстинктовъ, которыми и такъ одержимы русскіе люди въ эмиграціи, путемъ ихъ духовнаго, философскаго, моральнаго оправданія и возвеличиванія. И такъ всѣ жаждутъ казней, но нужно эту жажду сдѣлать возвышенной, духовной, исполненной любви и движимой долгомъ исполнить абсолютное добро. Вотъ это — задача болѣе сомнительная, чѣмъ задача доказать принципіальную допустимость меча и сопротивленія силою. Но И. Ильинъ не замѣчаетъ совершенной отвлеченности и формальности своего изслѣдованія. Его могутъ спросить, оправдывается ли съ его точки зрѣнія тиранубійство и цареубійство, которое оправдывалъ св. Тома Аквинатъ, оправдывается ли революціонное возстаніе, какъ сопротивленіе силою власти, ставшей орудіемъ зла и разлагающейся? Отвлеченно-формальный характеръ изслѣдованія И. Ильина не даетъ никакихъ основаній отрицать право на насильственную революцію, если она вызвана зломъ стараго строя жизни. Между тѣмъ какъ книга И. Ильина хочетъ бороться противъ духа революціи, въ этомъ ея паеосъ. Или И. Ильинъ думаетъ, что всякая власть, всякій государственный строй, установившійся и сложившійся, есть носитель абсолютнаго добра? Или думаетъ, что носителемъ абсолютнаго добра является только монархія? Но это послѣднее утвержденіе, которое и есть повидимому его утвержденіе, ни откуда не вытекаетъ. Нѣтъ никакой очевидности въ томъ, что добро И. Ильина есть подлинное и абсолютное добро, призванное силою бороться со зломъ. Я почти не встрѣчалъ людей, особенно среди людей религіозныхъ, у которыхъ такого рода очевидность возникла бы при чтеніи его книги. Согласно его построенію ему остается только силою принудить насъ къ признанію его добра. Мышленіе И. Ильина глубоко антиисторично, онъ не видитъ историческаго процесса, не проникаетъ въ его смыслъ. Динамика исторіи не дана его сознанію. Онъ не понимаетъ историческаго кризиса нашей эпохи, не предчувствуетъ нарожденія новой міровой эпохи. Онъ пишетъ моралистическую книгу такъ, какъ ее можно было бы написать во всѣ эпохи, хотя пассивно она за-

ражена кровавымъ ядомъ современности. Эта книга абсолютно статическая по своей конструкции, но она — характерное порождение современности съ ея болѣзнями.

Наиболѣе непріятно и тягостно въ книгѣ И. Ильина — злоупотребленіе христіанствомъ, православіемъ, евангеліемъ. Оправданіе смертной казни евангельскими текстами производитъ впечатлѣніе кощунства. Въ міросозерцаніи И. Ильина нѣтъ ничего не только православнаго, но и вообще христіанскаго. Православіе явно взято на прокатъ для цѣлей не религіозныхъ, какъ это часто дѣлается въ наши дни. Цитаты изъ священнаго писанія, изъ учителей Церкви и изъ правилъ св. Апостоловъ и св. Соборовъ приклеены механически и не доказываютъ наличности у И. Ильина органическаго православнаго міровоззрѣнія. Православіе И. Ильина шито бѣлыми нитками и легко можетъ быть обнаруженъ за этимъ внѣшнимъ православіемъ выученикъ нѣмецкаго идеализма, фихтеанецъ и гегеліанецъ крайняго праваго крыла. Интересно отмѣтить, что и правые и лѣвые гегеліанцы обыкновенно склонны къ оправданію насилія и къ отрицанію человѣка. Марксъ вѣдь вышелъ изъ лѣваго гегеліанства. Неудачное употребленіе и злоупотребленіе евангельскими текстами обнаруживается уже въ эпиграфѣ книги «О сопротивленіи злу силою». И. Ильинъ, повидимому, болѣе всего запомнилъ въ Евангеліи текстъ объ изгнаніи торговцевъ изъ храма. Приводя этотъ евангельскій текстъ, И. Ильинъ, конечно, подъ торговцами въ храмѣ, которыхъ нужно изгнать бичемъ, имѣетъ въ виду большевиковъ и вообще революціонеровъ. Но именно къ большевикамъ никакъ не можетъ быть отнесено это мѣсто. Большевики не торгуютъ въ храмѣ и не находятся въ храмѣ, такъ что ихъ и изгонять оттуда нѣтъ надобности и нѣтъ возможности. Большевики извнѣ разрушаютъ храмъ. Это совсѣмъ иная ситуація. Торговцами же въ храмѣ дѣйствительно часто являются люди праваго лагеря, нынѣшніе единомышленники И. Ильина, образующіе церковь въ средство для осуществленія своихъ не религіозныхъ цѣлей. И многихъ изъ нихъ дѣйствительно слѣдовало бы изгнать изъ храма бичемъ. Вся настроенность книги И. Ильина не христіанская и антихристіанская. Она проникнута чувствомъ фарисейской самоправедности. На это фарисейство обреченъ всякій, почитающій себя носителемъ абсолютнаго добра и отъ лица этого абсолютнаго добра осуждающій и карающій другихъ. У такихъ носителей абсолютнаго добра легко создается ложная поза героизма и непримиримой воинственности. Но христіанская вѣра учитъ насъ, чтобы мы непримиримо относились главнымъ образомъ къ собственному грѣху и собственнымъ страстямъ, учитъ максимализму въ отношеніи къ себѣ, а не къ другимъ. Ильинъ же, не отрицая, конечно, въ принципѣ борьбы съ собственными грѣхами, все же прежде всего и болѣе всего предлагаетъ намъ заняться непримиримой и кровавой борьбой съ чужими грѣхами. Онъ хочетъ укрѣпить самомнѣніе и гордыню у мнящихъ себя носителями добра и духа. Слишкомъ видно, какъ И. Ильинъ старается въ своей книгѣ понятіе очевидности, которое онъ кладетъ въ основаніе своего философствованія, развивая дальше иде-

ализмъ Фихте и Гегеля, сблизить и отождествить съ христіанскимъ понятіемъ благодати. Вотъ эта фикто-гегеліанская, философски-идеалистическая очевидность и является у него источникомъ самоуниженія и гордыни. Для него стало очевиднымъ, что онъ носитель абсолютнаго добра и духа, — вотъ онъ и пошелъ сажать въ тюрьмы и казнить отъ лица этой очевидности. Но христіанская вѣра предлагаетъ намъ быть болѣе осторожными съ такого рода очевидностью и потому менѣе осуждать ближняго.

Совершенно не христіанскими и антихристіанскими являются взгляды И. Ильина на государство, на человѣка и на свободу. Взгляды эти порождены ложной философіей идеалистическаго моноизма. И. Ильину совершенно чуждо христіанское разграниченіе двухъ порядковъ бытія и двухъ міровъ, міра духовнаго и міра природнаго, міра иного и «міра сего», порядка благодати и порядка природы, царства Божьяго и царства кесаря. Для него «міръ сей», природный міръ есть только арена осуществленія абсолютнаго духа. Таковъ духъ Фихте, духъ Гегеля. Отсюда вытекаетъ и въ корнѣ не христіанскій взглядъ на государство. И. Ильинъ въ сущности смѣшиваетъ государство съ церковью и приписываетъ государству цѣли, которыя могутъ быть осуществлены лишь Церковью. Для него государство имѣетъ абсолютное значеніе, является воплощеніемъ на землѣ абсолютнаго духа. Въ этомъ онъ вѣрный ученикъ Гегеля. Гегель не вѣрилъ въ Церковь и подмѣнялъ ее государствомъ. Государство брало у него на себя всѣ функціи Церкви. Таковъ былъ результатъ крайнихъ формъ протестантизма. И не случайно въ современной Германіи крайнее правое, монархически-націоналистическое теченіе связано съ лютеранствомъ, въ которомъ религіозная энергія въ значительной степени замѣнилась энергіей національно-государственной. Взглядъ И. Ильина, какъ и взглядъ Гегеля, на государство есть языческая реакція, возвратъ къ языческой абсолютизаціи и языческому обоготворенію государства. Однимъ изъ величайшихъ дѣланій, совершенныхъ христіанствомъ въ исторіи, было ограниченіе абсолютности государства, преодоленіе имперіалистической метафизики, противопоставленіе безконечной природы человѣческаго духа абсолютнымъ притязаніемъ земнаго государства, земнаго царства. Душа человѣческая стоитъ больше, чѣмъ всѣ царства міра. Въ Евангеліи самъ Христосъ устанавливаетъ принципиальное различеніе Царства Божьяго и царства кесаря и отводитъ царству кесаря подчиненную и ограниченную сферу. Къ этимъ мотивамъ въ христіанствѣ И. Ильинъ особенно глухъ. Христіанская вѣра скорѣе дуалистична, чѣмъ монистична въ своемъ пониманіи отношеній между царствомъ Божіимъ и царствомъ кесаря, между Церковью и государствомъ. Государство есть подчиненное, ограниченное и служебное средство въ дѣлѣ осуществленія Царства Божьяго. Государство не есть носитель абсолютнаго добра, абсолютнаго духа и оно можетъ стать враждебнымъ абсолютному добру, абсолютному духу. Противъ зла земнаго града возставали древніе пророки, Бл. Августинъ. Истина ограничи-

вающая абсолютность государства запечатлѣна кровью христіанскихъ мучениковъ. Вся же книга И. Ильина исполнена вѣры въ то, что государство, какъ носитель абсолютнаго добра и духа, должно бороться со зломъ и можетъ побѣдить зло. Это есть не христіанскій, а гегеліанско-монистическій взглядъ. Государство должно и можетъ ограничивать проявленіе зла въ мірѣ, пресѣкать извѣстнаго рода обнаруженія злой воли. Но государство по природѣ своей совершенно безсильно побѣждать зло и такого рода задачи не имѣетъ. Государство не есть носитель абсолютнаго духа и абсолютнаго добра, оно относительно по своей природѣ. Бороться съ внутреннимъ источникомъ зла и побѣждать его можетъ лишь Церковь и лишь Церковь имѣетъ это призваніе. Но въ книгѣ И. Ильина государство и Церковь совершенно смѣшивается и отождествляются. Непонятно даже, зачѣмъ нужна Церковь, если государство, какъ носитель абсолютнаго духа и добра, призвано къ выполненію церковной функціи борьбы со зломъ. Государство по природѣ своей не можетъ не прибѣгать къ силѣ и принужденію для ограниченія и пресѣченія проявленій злой воли. Но эти методы и средства совершенно не могутъ быть перенесены на порядокъ Церкви, которая и борется реально со зломъ. И. Ильинъ предъявляетъ государству тѣ же требованія, что и Л. Толстой, съ которымъ его роднитъ монистическое міросозерцаніе. Л. Толстой совершенно отвергаетъ государство на томъ основаніи, что государство не можетъ побѣждать зло. Ильинъ же обоготворяетъ государство на томъ основаніи, что оно можетъ побѣждать зло. И тотъ и другой не хочетъ признать относительнаго и подчиненнаго значенія государства, совсѣмъ не связаннаго съ побѣдой надъ зломъ. Въ смѣшеніи государства съ Церковью, въ абсолютизації относительнаго — основная ошибка И. Ильина. Поэтому онъ выдѣляетъ привелигированную группу, выражающую государственную власть, которая представляется ему носителемъ абсолютнаго добра и духа и отъ лица абсолютнаго добра и духа призванную истреблять зло въ мірѣ. Человѣческое общество, безспорно, не можетъ существовать безъ государственной власти, которая будетъ силой ограничивать и пресѣкать проявленія злой воли. Но этой неизбѣжной въ грѣховномъ мірѣ функціи не слѣдуетъ придавать церковнаго значенія. Полицейскій — полезная и нужная въ своемъ мѣстѣ фигура, но ее не слѣдуетъ слишкомъ тѣсно связывать съ абсолютнымъ духомъ. Кесарю нужно воздавать кесарево, а не Божье. Весь же паѳосъ И. Ильина въ томъ, что онъ кесарю воздаетъ Божье. Съ точки зрѣнія христіанской вѣры существуетъ лишь два начала, которыя могутъ побѣдить зло въ его корнѣ, это — начало свободы и начало благодати. Спасеніе отъ зла есть дѣло взаимодѣйствія свободы и благодати. Принужденіе же и насиліе можетъ ограничивать проявленіе зла, но не можетъ бороться съ нимъ. Какъ и всѣ инквизиторы, И. Ильинъ вѣритъ въ принудительное и насильственное спасеніе и освобожденіе человѣка. Онъ придаетъ принужденію, идущему отъ государства, благодатный характеръ, — оно превращается въ непосредственное проявленіе любви и духа, какъ бы дѣйствіе самого

Бога черезъ людей. Всѣ реакціонные и революціонные инквизиторы, начиная съ Торквемадо и до Робеспьера и Держинскаго, почитали себя носителями абсолютнаго добра, а нерѣдко и любви. Они убивали всегда во имя добра и любви. Это — самые опасные люди. Духъ этихъ людей гениально изобразилъ Достоевскій. И Ильинъ хочетъ дать нынѣ философское обоснованіе этому опасному духовному типу. Но ложь заключается въ самомъ предположеніи, что добро *во что бы то ни стало*, хотя бы величайшими насиліями и кровопролитіями, должно быть утверждено въ мірѣ. Въ дѣйствительности и христіанская вѣра и всякая здоровая этика должны признать не только свободу добра, но и нѣкоторую свободу зла. Свобода зла должна быть внѣшне ограничена въ своихъ проявленіяхъ, съ свободой зла борется духовно благодатная сила Христова, но эту свободу зла нужно признать во имя свободы добра.*) Отрицаніе свободы зла дѣлаетъ добро принудительнымъ. Абсолютный кошмаръ коммунизма въ томъ и заключается, что онъ хочетъ принудительной организаціи добра, хочетъ принудить къ добродѣтели и не допускаетъ никакой свободы зла. Но Богъ допустилъ свободу зла и этимъ опредѣлился весь міровой процессъ. Богъ могъ бы мгновенно прекратить зло въ мірѣ, но Онъ дорожитъ свободой добра, Онъ положилъ въ этомъ смыслъ міра. Люди мало задумываются надъ этой безконечной терпимостью Божіей къ злу и злымъ. Эта терпимость есть лишь обратная сторона Божіей любви къ свободѣ. Но въ качествѣ идеалистическаго мониста И. Ильинъ послѣдовательно отрицаетъ свободу человѣка, свободу человѣческаго духа. Онъ также отрицаетъ свободу, какъ отрицали ее Фихте и Гегель, для которыхъ существовала свобода абсолютнаго духа, свобода Божества, но не существовала свобода человѣка. Этотъ типъ міросозерцанія, — совсѣмъ не христіанскій, склоненъ отождествлять свободу съ добромъ, съ истиной. Поэтому принужденіе къ добру представляется истиннымъ торжествомъ свободы. И. Ильинъ понимаетъ свободу исключительно нормативно, — свобода для него есть принудительная организація добра въ мірѣ черезъ государство. Этимъ отрицается онтологическій смыслъ свободы, которая не только въ концѣ, но и въ началѣ. Есть не только свобода, полученная отъ добра, но и свобода въ принятіи и осуществленіи добра. Грѣховному природному человѣку всегда было трудно вмѣстить небесную истину о свободѣ. И христіанскій міръ вѣчно соблазнялся о свободѣ и срывался на путь принудительнаго осуществленія добра. Но въ христіанствѣ открывается истина о свободѣ совсѣмъ иная, чѣмъ та, которая раскрывается Фихте и Гегелю, а затѣмъ и И. Ильину. Въ чемъ же религіозно-метафизическіе корни отрицанія свободы человѣческаго духа у И. Ильина?

Религіозно-метафизическіе корни всѣхъ заблужденій И. Ильина скрыты въ его монизмѣ или, если перевести на языкъ ересей первыхъ вѣковъ христіанства, въ

*) На признаніи свободы зла построена вся философія права и нравственная философія Б. Чичерина, котораго, по видимому, очень почитаетъ И. Ильинъ.

его моноизитствѣ и моноелитствѣ. Фихте и Гегель, которые являются учителями И. Ильина, представляютъ въ своей философіи модернизированную форму моноизитской ереси. Моноизитствомъ я называю тутъ не только христологическую ересь въ узкомъ смыслѣ слова, т. е. ученіе, отрицающее двѣ природы въ Христвѣ, но и всякую тенденцію къ отрицанію самостоятельности человѣческой природы въ ея отличіи отъ природы Божественной, къ отрицанію свободы человѣка не только въ отношеніи къ міру и другимъ людямъ, но и въ отношеніи къ Богу. Моноизитство есть непониманіе и отрицаніе тайны *богочеловѣчества*, центральной тайны христіанства, тайны соединенія двухъ природъ въ одной личности при сохраненіи самостоятельности двухъ природъ. Германскій идеализмъ въ наиболѣе характерныхъ своихъ выраженіяхъ не принимаетъ тайны богочеловѣчества, тайны двухъ природъ, онъ склоняется къ монизму, къ отрицанію самостоятельности человѣческой природы. Этотъ идеализмъ считаетъ человѣческую природу и человѣческую свободу лишь проявленіемъ божественной природы и божественной свободы. Все построеніе И. Ильина есть моноизитское отрицаніе *человѣка*. Нѣтъ ни единого звука у И. Ильина, который обнаруживалъ бы, что ему вѣдома тайна богочеловѣчества и что изъ нея выводитъ онъ свою мораль, свои жизненные оцѣнки. Паѳосъ И. Ильина есть паѳосъ отвлеченнаго добра, отвлеченной идеи, отвлеченнаго духа, въ которыхъ окончательно исчезаетъ конкретная человѣческая душа, живое человѣческое лицо. Но христіанство не есть идеализмъ, христіанство есть реализмъ. Христіанство вѣритъ въ метафизическую реальность существъ, конкретныхъ личностей. Христіанство метафизически насквозь персоналистично. Антихристіанство И. Ильина прежде всего въ томъ, что онъ вѣритъ исключительно въ отвлеченное добро и отвлеченный духъ. Никакого отвлеченнаго добра христіанство не знаетъ и никогда ему человѣка не подчиняетъ. Въ основаніи христіанской религіи стоитъ существо, а не добро. Единственное добро есть самъ Христосъ, Его Личность. «Я есмь путь, истина и жизнь». Суббота для человѣка, а не человѣкъ для Субботы. Человѣкъ выше Субботы. Существо выше отвлеченнаго добра и закона. Въ этомъ — своеобразіи христіанской морали, абсолютное отличіе ея отъ морали Канта, Фихте, Л. Толстого, И. Ильина и всѣхъ моралистовъ міра. Для христіанства имѣетъ абсолютное значеніе человѣческая душа, человѣческая личность, ея неповторимая индивидуальная судьба, а не только отвлеченное добро въ человѣкѣ, не только абсолютный духъ въ человѣкѣ. Для И. Ильина самъ человѣкъ не имѣетъ никакого значенія, имѣетъ значеніе лишь совершенство въ человѣкѣ, лишь добро въ немъ. Это метафизическое отрицаніе человѣка порождаетъ у И. Ильина совершенно не христіанское ученіе о любви. Любовь для него не есть любовь къ конкретному существу, къ живому человѣку, къ личности съ неповторимымъ именемъ, а любовь къ добру, къ совершенству, къ отвлеченному духовному началу въ человѣкѣ. Поэтому ему очень легко признать проявленіемъ любви какое угодно истязаніе живого конкретнаго человѣка, поэтому

во имя осуществленія добра онъ признаетъ допустимыми средства, совершающія насиліе надъ человѣкомъ и истребляющія его. Той же морали держались у насъ революціонеры, которые никогда не могли любить «ближняго» и готовы были истребить его во имя социализма, блага человѣчества, справедливости и пр. Въ сущности И. Ильинъ хотѣлъ бы, чтобы человѣкъ пересталъ существовать и осталось одно чистое совершенство и добро, одинъ абсолютный духъ. И. Ильинъ не любитъ человѣка и отрицаетъ любовь къ человѣку. Подъ любовью къ человѣку онъ понимаетъ принудительное осуществленіе въ человѣкѣ совершенства и добра. Не знаю, любитъ ли онъ и Бога, боюсь, что онъ любитъ не Бога, который есть Существо, Личность, а любитъ лишь отвлеченное совершенство, добро, отвлеченный духъ. Все построеніе И. Ильина обнаруживаетъ неспособность любить личность. Но любовь всегда есть утвержденіе лика любимаго, утвержденіе его въ Богѣ и въ вѣчности, утвержденіе его несмотря на нечистоту, грѣховность, замутненность этого лика. *Нужно любить не только Бога въ человѣкѣ, но и человѣка въ Богѣ.* Всеобъемлющая любовь должна была бы увидать въ Богѣ и ликъ самаго послѣдняго изъ людей, самаго падшаго, самаго грѣшнаго. Это и есть христіанская любовь, къ которой мы такъ мало способны. Полюбите насъ черненькими, а бѣленькими всякій полюбить. Легче всего любить отвлеченное совершенство и добро. Это ничего не стоитъ, не требуетъ никакого подвига. Любовь къ ближнему, къ которой призывалъ Христосъ, не есть любовь къ отвлеченному совершенству и добру, но къ единичному человѣку съ индивидуальнымъ неповторимымъ именемъ. И. Ильинъ не хочетъ любить «ближняго», онъ любитъ самаго «дальняго», любитъ абсолютное добро, носителемъ котораго почитаетъ себя. Онъ исповѣдуетъ законническую, фарисейскую, буржуазную мораль и во имя ея хочетъ истязать людей. Отрицаніе человѣка, нелюбовь къ человѣку есть его великій грѣхъ, измѣна христіанству, религіи Богочеловѣчества. Онъ не обнаруживаетъ пониманія благодати въ христіанствѣ, онъ весь въ законѣ, Онъ не понимаетъ различенія между зломъ и грѣхомъ, не знаетъ, что зло есть послѣдствіе грѣха. Поэтому онъ повсюду видитъ злодѣевъ, въ то время какъ христіанинъ прежде всего долженъ повсюду видѣть грѣшниковъ и прежде всего въ себѣ самомъ. Христіанство не знаетъ статическихъ типовъ злодѣевъ и добродѣтельныхъ. Разбойникъ на крестѣ мгновенно обратился ко Христу. Добродѣтельный же можетъ низко пасть. Самый замѣчательный изъ русскихъ старцевъ, съ которымъ я много бесѣдовалъ за нѣсколько дней до моего принудительнаго выѣзда изъ Россіи, говорилъ мнѣ, что онъ придаетъ главное, центральное значенію для спасенія Россіи покаянію коммунистовъ и красноармейцевъ, обращенію ихъ ко Христу. И многіе изъ нихъ приходили къ нему и калялись въ своихъ грѣхахъ, по цѣлымъ ночамъ простаивали, ожидая своей очереди. Вотъ это для И. Ильина должно быть совершенно чуждо. Религіозная побѣда надъ зломъ является для него не покаяніемъ и обращеніемъ грѣшника, а принужденіемъ его къ добру и казнью его. Церковь безконечно дорожитъ индивидуальной человѣче-

ской душой и ея вѣчной судьбой. Ильинъ же отрицаетъ бытійственность человѣка, человѣкъ для него есть орудіе добра, вѣчно для него добро, а не человѣкъ. Онъ не преодолѣлъ нормативизма нѣмецкой идеалистической философіи. Онъ дорожить не человѣкомъ, а государственной, правовой, моральной нормой. Это и значить, что онъ не вмѣстилъ тайны богочеловѣчества, ибо она невмѣстима для рационалистическаго сознанія. И напрасно И. Ильинъ прикрываетъ свое фихтеанство-гегеліанство ссылками на тексты священнаго писанія и отцовъ церкви. Ссылки на тексты священнаго писанія ничего еще не доказываютъ, ихъ любилъ дѣлать даже г. Стекловъ въ передовицахъ «Извѣстій».

Безблагодатное законничество И. Ильина сказывается въ томъ, что онъ не столько хочетъ творить добро, сколько истреблять зло. По этому узнается законникъ. Книга его — самая безблагодатная изъ книгъ, въ ней нѣтъ ни одного благодатнаго Божьяго луча. Тонкія различія, которыя онъ устанавливаетъ между насиліемъ и понужденіемъ, есть казуистика и софистика законника. Отвратительнѣе всего въ книгѣ И. Ильина его патетическій гимнъ смертной казни. Оправданіе меча не есть еще оправданіе смертной казни. И. Ильинъ не брезгаетъ даже тѣмъ, чтобы сослаться на Евангеліе въ оправданіе смертной казни. «Христосъ предвидѣлъ и указалъ такія злодѣйства («соблазненіе малыхъ»), которыя по Его сужденію дѣлаютъ смертную казнь лучшимъ исходомъ для злодѣя» (стр. 132). Тутъ И. Ильинъ ссылается на слѣдующее мѣсто изъ Евангелія: «Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничій жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской» (Матѳей, гл. 18;6) Евангеліе говоритъ сильнымъ, образно-символическимъ языкомъ. Слишкомъ ясно, что Иисусъ Христосъ говоритъ тутъ: соблазненіе малыхъ сихъ есть такой великій грѣхъ, что для такого человѣка лучше было бы не родиться, лучше было бы ему умереть до совершенія этого грѣха. Тутъ образно опредѣляется размѣръ грѣха. Только больное воображеніе можетъ увидеть въ этомъ мѣтсѣ призывъ къ смертной казни. Христосъ самъ былъ казненъ смертью тѣми, для которыхъ «очевидна» была соблазнительность его проповѣди, но Онъ не призывалъ казнить. Чудовищно предположить, что Сынъ Божій, Спаситель и Искупитель міра, занимался вопросами уголовной юстиціи и вырабатывалъ систему наказаній. Это и есть неспособность разграничить Царство Божье и царство кесаря, которая повсюду чувствуется у И. Ильина. И. Ильину мало, чтобы смертная казнь совершалась, ему непременно нужно, чтобы она была признана актомъ любви. Вотъ центральное мѣсто его книги: «*Отрицающая любовь*» постепенно какъ бы преобразуется въ *отрицательную любовь* и находитъ свое завершеніе въ земномъ устраненіи отрицаемаго злодѣя... Духовная любовь проходитъ черезъ цѣлый рядъ классическихкихъ состояній, духовно необходимыхъ, предметно обоснованныхъ и религіозно вѣрныхъ. Эти состоянія выражаютъ собою постепенное отъединеніе и удаленіе того, кто любить, отъ того, кто утрачиваетъ право на полноту любви; они начина-

ются съ возможно полной любви къ челоуѣку и кончаются молитвою за казненнаго злодѣя. Таково въ постепенной нарастающей послѣдовательности: неодобреніе, несочувствіе, огорченіе, выговоръ, осужденіе, отказъ въ содѣйствіи, протестъ, обличеніе, требованіе, настойчивость, психическое понужденіе, причиненіе психическихъ страданій, строгость, суровость, негодованіе, гнѣвъ, разрывъ въ общеніи, бойкотъ, физическое понужденіе, отвращеніе, неуваженіе, невозможность войти въ положеніе, пресѣченіе, безжалостность, казнь» (стр. 139 — 40). Мнѣ рѣдко приходилось читать строки болѣе отвратительныя. Палачъ, совершающій казнь, находится въ лучшемъ духовномъ и моральномъ состояніи, чѣмъ философъ, упоенный описаніями этихъ «классическихъ состояній» любви, ведущихъ къ казни. И. Ильинъ измѣняетъ лучшимъ традиціямъ не только русской національно-религіозной мысли, но и русской государственности. Отъ А. С. Хомякова до Вл. Соловьева лучшіе наши мыслители отрицали смертную казнь и ее отрицало русское уголовное законодательство. Этимъ мы могли гордиться передъ народами Запада, которые по инстинкту и по принципу болѣе склонны къ смертной казни. Въ своемъ посланіи къ Сербамъ Хомяковъ писалъ: «не казните преступника смертью. Онъ уже не можетъ защищаться, а мужественному народу стыдно убивать беззащитнаго, христіанину же грѣшно лишать челоуѣка возможности покаяться. Издавна у насъ на землѣ Русской смертная казнь была отмѣнена, и теперь она намъ всѣмъ противна и въ общемъ ходѣ уголовного суда не допускается. Такое милосердіе есть слава Православнаго племени Славянскаго. Отъ Татаръ до ученыхъ Нѣмцевъ появилась у насъ жестокость въ наказаніяхъ, но скоро исчезнуть и послѣднія слѣды ея». («Соч: Хомякова», т. 1, стр. 402). Признавали смертную казнь въ формѣ террора именно ненавистные И. Ильину русскіе революціонеры, для которыхъ она была способомъ истребленія зла и насажденія добра. Смертная казнь стала основой русской юстиціи послѣ воцаренія коммунистовъ. Неизбѣжность убійства на войнѣ, которой никто не отрицаетъ, не есть смертная казнь.

И кто можетъ взять на себя рѣшимость казнить отъ лица абсолютнаго добра и духа? Судъ Божій неизвѣстенъ людемъ, и судъ этотъ можетъ оказаться очень непохожимъ на нашъ. И. Ильинъ думаетъ, что онъ можетъ вмѣсто меня и вмѣсто всякаго другого челоуѣка совершить автономный для него актъ утвержденія добра силой и истребленія зла силой. Вотъ какъ описываетъ И. Ильинъ свое высокое самосознаніе, представляющее ему автономію и отрицающее ее у другихъ: «Когда нравственно-благородная душа ищетъ въ своей любви — религіозно-вѣрнаго, волевого отвѣта на буйный напоръ извнѣ идущаго зла, то люди робкіе, неискренніе, безразличные, безрелигіозные, настроенные нигилистически и релятивистически, безвольные, сантиментальные, міра непріемлющіе, зла невидящіе — могутъ только мѣшать этому исканію, путая, искажая и уводя его на ложные пути» (стр. 110). И еще сильнѣе: «Настоящее достиженіе челоуѣка начинается тогда, когда страсть его

прилѣпляется къ божественному предмету, или иначе, когда лучъ Совершеннаго пронизываетъ душу человѣка до самаго дна его страстнаго чувствилища. Тогда человѣческая страсть начинается изъ глубины сіять пронизавшими ее божественными лучами, и самъ человѣкъ становится частицею божественнаго огня» (стр. 123). Все несчастье въ томъ, что И. Ильинъ слишкомъ сознаетъ себя «частицею божественнаго огня». Это есть обнаруженіе неслыханной духовной гордыни. И. Ильинъ, конечно, отвѣтитъ намъ, что онъ говоритъ и дѣйствуетъ не отъ себя, а отъ «живого органа общей священной цѣли, органа добра, органа святыни; и потому совершаетъ все свое служеніе отъ ея лица и отъ ея имени» (стр. 154). Но духовная гордыня и заключается въ этомъ сознаніи, что ты дѣйствуешь отъ лица самого абсолютнаго добра. Смирнѣй было бы, если бы И. Ильинъ дѣйствовалъ отъ своего человѣческаго лица. Гдѣ же органъ абсолютнаго добра, если не въ Церкви? Но Церковь не занимается карательными экспедиціями и не практикуетъ смертной казни, не обладая даже для этого соотвѣтствующими орудіями. Для И. Ильина очевидно органомъ добра является государственная власть. Но нынѣ онъ принужденъ конструировать государственную власть на основаніи собственной автономіи за отсутствіемъ какой-либо русской государственной власти кромѣ совѣтской. Ссылки на инквизицію для положительныхъ или для отрицательныхъ цѣлей стали банальны. Но слѣдуетъ все-таки помнить, что инквизиція была продуктомъ варварской юстиціи своего времени, раздѣляла приемы своей жестокой эпохи, вѣру въ пытку и пр. И въ инквизиціи виновна не католическая церковь въ ея существѣ, а человѣчество того времени, ошибки его нравственнаго сознанія, его нравы, его общій уровень. И. Ильинъ хочетъ возстановить инквизиціонную юстицію въ очень поздній часъ исторіи, часъ кровавый въ своей непосредственной борьбѣ, но не приѣмлющій уже прежнихъ формъ морально-правового сознанія. Казнь въ нашу эпоху можетъ быть лишь непосредственнымъ проявленіемъ борьбы стихійныхъ силъ, а не формой юстиціи. Это есть вопросъ печальнаго факта, а не права и оправданія.

И Ильинъ — не русскій мыслитель, чуждый лучшимъ традиціямъ нашей національной мысли, чужой человѣкъ, иностранецъ, нѣмецъ. Фихте духовно непереводимъ на русскій языкъ. И. Ильинъ — націоналистъ въ нормативномъ смыслѣ, но онъ не націоналенъ въ онтологическомъ смыслѣ слова. Национализмъ его вполне интернационалистическій. Книга И. Ильина свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ принадлежитъ отмирающей эпохѣ «новой исторіи» съ ея политизмомъ, съ ея культомъ государства, съ ея націонализмомъ, съ ея отвлеченной философіей и отвлеченной моралью, съ ея оторванностью отъ живого Бога. Онъ не имѣетъ будущаго, онъ живетъ въ абстрактной, внѣжизненной мысли и абстрактномъ, внѣжизненномъ морализмѣ. Онъ не способенъ къ отрѣшенности, не можетъ мыслить спокойно, легко теряетъ равновѣсіе. И. Ильинъ обреченъ быть философомъ и моралистомъ тѣхъ слоевъ русскаго общества, которые отодвинуты въ прошлое и принуждены злобст-

воватъ, если въ нихъ не совершится духовнаго переворота и возрожденія, къ которому призваны всѣ люди безъ исключенія. Въ книгѣ И. Ильина не чувствуется рыцарскаго духа, мечъ его не есть мечъ крестonosца. Крестъ ему нуженъ лишь для оправданія меча. И. Ильинъ самъ соблазняетъ «малыхъ сихъ», онъ можетъ отвратить отъ христіанства тѣхъ, которые готовы были къ нему пріити. И если бы я склоненъ былъ толковать евангельскіе тексты такъ, какъ толкуетъ самъ И. Ильинъ, то въ принципѣ жизнь его была бы подвергнута опасности. Вопросъ совсѣмъ не въ томъ, оправданъ ли мечъ и дѣйствіе силой, а въ томъ, *что* есть добро и *что* зло въ эпоху мірового кризиса, эпоху конца стараго міра «новой исторіи» и рожденія новыхъ міровъ. Споръ съ И. Ильинымъ совсѣмъ не формальный — это есть споръ о самомъ содержаніи добра, объ осуществленіи въ жизни Христовой правды. Любовь къ человѣку, милосердіе и есть само добро, невѣдомое отвлеченному идеализму И. Ильина. Человѣкъ есть Божья идея, Божій замыселъ, и отрицаніе человѣка есть богопротивленіе.

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ.